

Признание и приведение в исполнение арбитражных решений в практике Арбитражного суда г. Москвы

Г. Комарова, судья Арбитражного суда г. Москвы

Вряд ли есть необходимость подробно объяснить всю значимость вопросов принудительного приведения в исполнение в России решений иностранных государственных и третейских судов, а также решений Международного коммерческого арбитража. Основываясь на принципе суверенитета, право каждого государства исходит по общему правилу из того, что любое решение какого-либо правоприменительного органа, вынесенное за границей, не обладает на территории такого государства принудительной силой и может быть исполнено только в порядке, установленном последним.

Начать хочу с компетенции арбитражных судов по спорам с участием иностранных лиц, которая определена АПК РФ 2002 г.

Вопрос о том, компетентен ли арбитражный суд рассматривать возникший спор, решается на основании ст. 247 АПК РФ, предусматривающей, что нахождение ответчика, равно как и наличие местожительства гражданина на территории России, является достаточным основанием, для того чтобы суд признал себя компетентным по делу с участием иностранного лица. Суд также вправе принять иск к рассмотрению в случаях, когда на территории России находится филиал или представительство иностранного лица, ответчик имеет в нашей стране имущество или же иск вытекает из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации. Основанием для признания своей компетенции арбитражный суд также считает факт причинения вреда имуществу,

действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для предъявления требования о возмещении вреда, происшедшего на территории России, факт неосновательного обогащения в России, нахождение истца в нашей стране по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации. Рассмотрение дел, связанных с разного рода вопросами недвижимости (зданий, сооружений, земельный участок), находящейся в России, также относится к компетенции арбитражных судов. Они же компетентны рассматривать дела по искам к перевозчикам, если орган транспорта находится в Российской Федерации.

В Арбитражном процессуальном кодексе 2002 г. введена новая статья, устанавливающая исключительную компетенцию арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц.

К исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц относятся дела:

- 1) по спорам в отношении находящегося в государственной собственности Российской Федерации имущества, в том числе по спорам, связанным с приватизацией государственного имущества и принудительным отчуждением имущества для государственных нужд;
- 2) по спорам, предметом которых являются недвижимое имущество, если такое имущество находится на территории Российской Федерации, или права на него;

3) по спорам, связанным с регистрацией или выдачей патентов, регистрацией и выдачей свидетельств на товарные знаки, промышленные образцы, полезные модели или регистрацией других прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые требуют регистрации или выдачи патента либо свидетельства в Российской Федерации;

4) по спорам о признании недействительными записей в государственные реестры (реестры, кадастры), произведенных компетентным органом Российской Федерации, ведущим такой реестр (реестр, кадастр);

5) по спорам, связанным с учреждением, ликвидацией или регистрацией на территории Российской Федерации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также с оспариванием решений органов этих юридических лиц.

В исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации находятся также предусмотренные в разделе III настоящего Кодекса дела с участием иностранных лиц, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что только государственные арбитражные суды могут рассматривать указанные споры.

Часть 2 ст. IV Нью-Йоркской конвенции устанавливает следующее: «Если арбитражное решение или соглашение изложены не на официальном языке той страны, где испрашивается признание и приведение в исполнение этого решения, Сторона, которая просит о признании и приведении в исполнение этого решения, представляет перевод этих документов на русский язык. Перевод заверяется официальным или присяжным переводчиком либо дипломатическим или консульским учреждением».

Все документы, поступающие из-за рубежа, должны быть легализованы, т.е. на них должна быть отметка ведомства, осуществляющего установление и засвидетельствование подлинности подписей на этих документах и соответствие их законам государства пребывания. Консульским уставом СССР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1976 г., обязанность легализации документов, поступающих из-за рубежа, возложена на консулов, которые, согласно ст. 55 Консуль-

ского устава, «легализуют документы и акты, составленные при участии властей консульского округа или исходящие из этих властей». Эти документы принимаются органами Российской Федерации к рассмотрению при наличии консульской легализации, если иное не предусмотрено российским законодательством или международным договором, участниками которого является Российская Федерация и государство пребывания.

Условие, отменяющее легализацию, как правило, содержится в двусторонних договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных Россией (СССР) с рядом государств.

Не предусматривает легализации, например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная государствами — членами СНГ 22 января 1993 г. и вступившая в силу для России 10 декабря 1994 г. Пункт 1 ст. 13 конвенции предусматривает, что «документы, которые на территории одной из Договаривающихся Сторон изготовлены или засвидетельствованы учреждением либо специально на то уполномоченным лицом в пределах их компетенции и по установленной форме и скреплены гербовой печатью, принимаются на территориях других Договаривающихся Сторон без какого-либо специального удостоверения».

Еще одним многосторонним международным соглашением, отменяющим требование легализации иностранных официальных документов, в котором участвует Россия, является конвенция, подписанная 5 октября 1961 г. в Гааге. Согласно данной конвенции, отменяется требование дипломатической или консульской легализации иностранных официальных документов, которые совершены на территории одного из Договаривающихся Государств и должны быть представлены на территории другого Договаривающегося Государства. Под официальными документами, как это определено в ст. 1 конвенции, понимаются: а) документы, исходящие от органа или должностного лица, подчиняющихся юрисдикции государства, включая документы, исходящие от прокуратуры, секретаря суда или судебного исполнителя; б) административные документы; в) нотариальные акты; г) официальные пометки, такие, как отметки о регистрации; визы, подтверждающие определенную дату; заверения подписи на документе, не засвидетельствованном у нотариуса.

Конвенция не распространяется на документы, совершенные дипломатическими или консульскими учреждениями, а также на те административные документы, которые имеют прямое отношение к коммерческой или таможенной операциям.

Страны — участницы конвенции договорились, что единственным требованием, предъявляемым к представляемым документам, является проставление компетентным органом государства, в котором этот документ был совершен, специальной печати — апостиля (ст. 2).

Назначение апостиля состоит в удостоверении подлинности подписи, качества, в котором выступало лицо, подписавшее документ, и в надлежащем случае — подлинности печати или штампа, которым и скреплен этот документ. Сам документ составляется на официальном языке страны его происхождения и при представлении в российский арбитражный суд должен сопровождаться нотариально удостоверенной копией его перевода на русский язык, поскольку, согласно ч. 1 ст. 12 АПК РФ, судопроизводство в арбитражном суде должно вестись на русском языке.

Эти положения российского законодательства соответствуют порядку, установленному международными соглашениями, участницей которых является Российская Федерация.

На практике нередки случаи, когда стороны своим соглашением предусмотрели, что возникающие споры будут передаваться на рассмотрение в третейский суд, однако при возникновении реальных требований и разногласий истец обращается с исковым заявлением в государственный арбитражный суд.

Нью-Йоркская конвенция 1958 г. регулирует вопросы взаимного признания и исполнения на территории государств — участников конвенции не судебных, а арбитражных решений, т.е. решений, принятых на территории другого государства арбитрами, избранными сторонами в международном коммерческом споре или назначенными органами коммерческого арбитража по согласованию со сторонами в установленном порядке. Эти органы именуется по терминологии, принятой в нашей стране, третейскими судами.

Иностранные арбитражные решения признаются и приводятся к исполнению на террито-

рии РФ, если выдача экзекватуры для таких решений предусмотрена международным договором или федеральным законом.

К международным договорам в сфере признания и приведения в исполнение арбитражных решений относятся многосторонние и двусторонние договоры о правовой помощи. К таким договорам относится Нью-Йоркская конвенция 1958 г., участниками которой являются 132 государства мира.

В ст. 15 Конституции РФ установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Из этого следует вывод, который нашел свое практическое применение, что приведение к исполнению иностранных решений может производиться в отсутствие международного договора на основе принципов международной вежливости и международной взаимности.

Сам процесс приведения в исполнение решения начинается с подготовки заявления и затем его подачи.

Заявление о признании и приведении в исполнение иностранного решения подается в письменной форме, должно быть подписано заявителем или его представителем. Заявление подается в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения должника, а в том случае, если оно неизвестно, — по месту нахождения его имущества.

Зыскателем является та сторона, в пользу которой принято решение. В заявлении зыскателя должны содержаться сведения, установленные в ч. 2 ст. 242 АПК РФ. К заявлению должны быть приложены следующие документы:

- 1) надлежащим образом заверенное подлинное иностранное арбитражное решение или его надлежащим образом заверенная копия;
- 2) подлинное соглашение о третейском разбирательстве или его надлежащим образом заверенная копия;

3) надлежащим образом заверенный перевод на русский язык указанных документов.

Применительно к обсуждаемому сегодня на нашей конференции вопросу следует отметить, что нормы АПК РФ 2002 г. и нормы Нью-Йоркской конвенции по правовому регулированию вопроса представления документов, необходимых для рассмотрения заявления взыскателя о признании и приведении в исполнение арбитражного решения, совпадают.

Частью 5 ст. 242 АПК РФ устанавливается обязанность заявителя приложить документ, подтверждающий уплату госпошлины.

Требование о соблюдении формы арбитражного соглашения является одним из критериев, который должны учитывать суд и стороны при оценке его действительности. Законодательство большинства государств содержит правило о письменной форме арбитражного соглашения. В России такое требование является императивным. В законе под письменной формой понимается: соглашение, содержащееся в документе, подписанном сторонами, либо соглашение, заключенное путем обмена письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием иных средств электросвязи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения. Письменная форма арбитражного соглашения считается соблюденной и в случае, когда имеет место обмен иском заявлением и отзывом на иск, в котором одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает. Как следует из приведенного примера, данная форма соответствует требованиям, предъявляемым международными договорами к форме арбитражных соглашений.

Вместе с тем по законодательству ряда стран требование письменной формы арбитражных соглашений не является императивным (например, в Дании, Швеции).

Согласно п. 3 ст. II Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.: «Суд Договаривающегося Государства, если к нему поступает иск по вопросу, по которому стороны заключили соглашение, предусматриваемое настоящей статьей, должен, по просьбе одной из сторон, направить стороны в арбитраж, если не найдет, что упомянутое соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено».

Если имеется соглашение лиц о передаче спора на рассмотрение третейского суда и если одна из сторон обращается с иском в государственный суд, а ответчик до своего первого заявления по существу спора не возражает, то государственный арбитражный суд вправе и должен рассматривать такой иск. Если же ответчик до своего первого заявления по существу спора ссылается на арбитражное соглашение между сторонами, заключенное в той или иной предусмотренной законом форме и являющееся действительным, то арбитражный суд применяет п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ и оставляет иск без рассмотрения.

Статья 2 конвенции закрепляет механизм, в соответствии с которым суд государства — участника конвенции, в который поступил иск, а при этом между сторонами существует в определенной форме арбитражное соглашение, по просьбе стороны направляет стороны в арбитраж, если не найдет, что упомянутое соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено.

Несмотря на огромное значение данного вопроса, в конвенции нет никаких указаний на то, на основании каких норм следует принимать решение о действительности, сохранении силы и исполнимости арбитражного соглашения. Однако в конвенции содержится правило, в соответствии с которым в признании и приведении в исполнение может быть отказано, если арбитражное соглашение недействительно по закону, которому стороны это соглашение подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону страны, где было вынесено решение.

Практика применения Конвенции выработала определенные механизмы, в соответствии с которыми дефекты арбитражных соглашений квалифицируются как подпадающие под один из трех критериев, указанных в ст. II конвенции (действительность, сохранение силы и исполнимость). Так, под недействительностью обычно понимается очевидный дефект воли или безусловное отсутствие полномочий на представление стороны при подписании арбитражного соглашения, под утратой силы — прекращение действия арбитражного соглашения, до этого действительного, по воле его сторон, под неисполнимостью — абсолютно неясная формулировка арбитражного соглашения, не позволяющая реализовать его на практике.

В ч. 1 ст. IV Европейской конвенции и в п. 5 ст. 148 АПК РФ содержится условие о сроке, в течение которого заинтересованная сторона должна ходатайствовать о передаче спора на рассмотрение международного арбитража, — не позднее первого заявления по существу спора.

Арбитражное соглашение должно относиться к сфере действия конвенции; иск должен относиться к вопросу, по которому стороны заключили арбитражное соглашение, т.е. государственный суд при рассмотрении ходатайства о передаче спора на рассмотрение международного арбитража решает вопрос о том, покрывается ли предъявленный иск предметом арбитражного соглашения.

Арбитражное соглашение должно соответствовать требованиям к форме арбитражных соглашений. Разрешая вопрос о недействительности арбитражного соглашения, либо утратившим силу, либо неисполнимости, суд устанавливает закон, на основании которого оценивается содержание, действительность, сохранение силы и исполнимость арбитражного соглашения.

Предмет спора может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с применимым правом.

Трудности могут возникнуть, если одна из сторон отказывается признать, что она когда-либо заключала арбитражное соглашение, а другая сторона не может противопоставить такому заявлению единый письменный документ, удостоверяемый подписями всех участников спора (заметим, что по мере развития средств коммуникаций мы можем чаще сталкиваться именно с такой формой заключения договора).

На практике к письмам и телеграммам, упомянутым в ст. II конвенции, приравнивали телексы, телетайпы и «иные средства электросвязи», что было предусмотрено и пунктом 2 ст. VII Европейской конвенции.

Обмен письмами, телеграммами и другой корреспонденцией как средство фиксации арбитражного соглашения породил также вопрос о том, должен ли получатель возвращать корреспонденцию, содержащую предложение об арбитражном методе урегулирования спора, ее отправителю с отметкой о согласии с данным предложением или же достаточно, чтобы получатель такой корреспонденции в дальнейшем

просто сослался на нее в каком-либо своем письме (факсе, телексе и т.п.). Эту проблему суды решают по-разному. По нашему мнению, во избежание возникновения спора о заключении арбитражного соглашения (а равно во избежание трудностей, связанных с исполнением предписаний ст. IV конвенции) сторонам следует настаивать на получении от контрагента письменного заявления, недвусмысленно одобряющего либо арбитражное соглашение, либо весь документ, в состав которого была включена арбитражная оговорка.

Есть еще одна проблема, связанная с формой фиксации арбитражного соглашения: телексы и телетайпы не содержат собственно подписи лица, от имени которого отправляется сообщение. Следует обратить внимание, что в ст. II конвенции говорится о «письменном», а не о «подписанном» соглашении, поэтому авторитетные комментаторы полагают, что, если арбитражное соглашение содержится в документе, в котором подпись выполнена машинописным способом, а не проставлена от руки, такое соглашение будет, тем не менее, действительно с точки зрения соответствия требованиям конвенции. В случае оспаривания факта аутентичности такой подписи заинтересованная сторона сможет сослаться на другую корреспонденцию и даже на свидетельские показания, для того чтобы доказать признание лицом, чья подпись была напечатана под документом, содержащим арбитражное соглашение, правовых последствий, вытекающих из такого документа.

Для стран, которые помимо конвенции являются участниками Европейской конвенции, решение данного вопроса облегчено (постольку поскольку Европейская конвенция применима к обстоятельствам конкретного дела, исходя из состава его участников): в п. 2 ст. VI Европейской конвенции не только предписывается применять к вопросу о действительности, сохранении силы и исполнимости арбитражного соглашения правила, аналогичные нормам подпункта «а» п. 1 ст. V конвенции, но и развиваются данные нормы:

«При вынесении решения по вопросу о наличии или действительности указанного арбитражного соглашения государственные суды Договаривающихся Государств, в которых поднят этот вопрос, должны будут руководствоваться, если вопрос касается правоспособности сторон, законом, который к ним применяется, а по другим вопросам:

а) законом, которому стороны подчинили арбитражное соглашение;

б) при отсутствии указаний на этот счет — законом страны, в которой должно быть вынесено решение;

с) при отсутствии указаний на закон, которому стороны подчинили арбитражное соглашение, и если в тот момент, когда этот вопрос представлен на разрешение государственного суда, невозможно установить, в какой стране должно быть вынесено арбитражное решение, — законом, применимым в силу коллизионной нормы государственного суда, в котором возбуждено дело».

Процитированные выше положения Европейской конвенции никоим образом не противоречат Нью-Йоркской конвенции, ими только закрепляется тенденция, направленная на применение правил подпункта «а» п. 1 ст. V Конвенции для решения вопросов ст. II конвенции, и уточняется, какой закон должен быть применен в случае, если в арбитражном соглашении не указано, в какой стране должно быть вынесено решение.

Такая практика установления норм, применимых к решению вопроса о наличии, действительности и исполнимости арбитражного соглашения, базируется на всеобщем признании принципа автономности арбитражного соглашения.

Несмотря на всеобщее признание принципа автономности арбитражного соглашения, из которого вытекает возможность применения к решению вопроса о наличии, действительности и исполнимости арбитражного соглашения правовых норм, отличных от норм материального права, применимых к существу спора, на практике почти не встречаются договоры, в арбитражных соглашениях которых специально решался бы вопрос о выборе права, применимого к арбитражному соглашению. Как правило, стороны закрепляют в договоре выбор материального права, применимого к отношениям между ними, ссылаются на тот или иной арбитражный регламент и устанавливают место проведения арбитража, но умалчивают о праве, которым должны регулироваться вопросы действительности, сохранения силы и исполнимости арбитражного соглашения, хотя выбор сторонами такого права прямо предусмотрен как Нью-Йоркской конвенцией, так и Европейской кон-

венцией. Более того, ни одной из рекомендуемых арбитражных оговорок, включенных в регламенты известных институциональных арбитражей или в Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, как ни странно, тоже не предусматривается отдельное избрание права, применимого к решению вопроса о действительности, сохранении силы и исполнимости арбитражного соглашения, хотя в некоторых арбитражных регламентах прямо закрепляется принцип автономности арбитражного соглашения.

Таким образом, если в договоре не указано, какому материальному праву стороны подчинили включенное в договор арбитражное соглашение, то для решения вопроса о существовании, действительности и исполнимости арбитражного соглашения, как правило, приходится применять нормы права страны, где должно быть вынесено арбитражное решение.

Основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, связанные с оспариванием юрисдикции арбитража, приведены в подпунктах «а» и «с» п. 1 ст. V конвенции. Данными подпунктами предусмотрено, что государственный суд может отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения в одном из следующих случаев:

1) стороны, заключившие арбитражное соглашение, соответствующее критериям, приведенным в ст. II конвенции, были «по применимому к ним закону в какой-либо мере недееспособны»;

2) арбитражное соглашение недействительно по закону, которому стороны это соглашение подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону страны, где решение было вынесено;

3) арбитражное решение вынесено по спору, не предусмотренному или не подпадающему под условия арбитражного соглашения либо арбитражной оговорки в договоре, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения либо арбитражной оговорки в договоре, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением или оговоркой, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением или оговоркой, то та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, ох-

ватываемым арбитражным соглашением или арбитражной оговоркой в договоре, может быть признана и приведена в исполнение.

Внимательно проанализировав текст п. 1 ст. V конвенции, придется прийти к следующему выводу: заявить о наличии основания для отказа в признании и исполнении иностранного арбитражного решения, связанного с дефектом правоспособности одной из сторон арбитражного соглашения, может только лицо, возражающее против приведения в исполнение иностранного арбитражного решения, и оно само должно представить соответствующие доказательства такого дефекта правоспособности компетентному государственному суду.

Против признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений конвенцией помимо юрисдикционных предусмотрены возражения, связанные с процессуальными недостатками при проведении арбитражного разбирательства. Эти возражения следующие:

- 1) сторона, против которой вынесено арбитражное решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве;
- 2) сторона, против которой вынесено арбитражное решение, по другим причинам не могла представить свои объяснения;
- 3) состав арбитражного органа или арбитражный процесс не соответствовали соглашению сторон или при отсутствии такового не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж.

По общему правилу надлежащее уведомление стороны об арбитражном разбирательстве не препятствует рассмотрению дела в ее отсутствие. Но практика говорит о том, что подход к извещению стороны не должен носить неформальный характер, поскольку впоследствии сторона, против которой принято решение по спору, может заявить по этому основанию ходатайство об отказе в признании и приведении в исполнение арбитражного решения.

Положения конвенции о праве стороны на представление своей позиции должны учитывать и представлять все возможности для реализации арбитры при проведении арбитражного разбирательства, причем не только на этапе устного слушания, но и на этапе обмена пись-

менными заявлениями. Именно процессуальные решения арбитров приводят к тому, что сторона, не в пользу которой принято решение, получает в свое распоряжение дополнительные аргументы против приведения решения в исполнение.

Для заключения арбитражного соглашения необходимы действия сторон, для отказа в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения по юрисдикционным или процессуальным основаниям тоже требуется воля участника спора, но вопросы арбитрабельности и публичного порядка государственного суда изучает даже в том случае, если ответчик не прибег к таким аргументам против приведения в исполнение иностранного арбитражного решения или вообще не участвует в процессе. По сути своей положения п. 2 ст. V конвенции являются нормами, которые ограничивают возможность признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения по воле государства, чей суд рассматривает вопрос о таком признании: повлиять на эту волю лица, участвующие в споре (включая арбитров), не могут; они в состоянии только принять к сведению нормы права соответствующего государства и учесть их при подготовке своей позиции. То есть, другими словами, заявлены или нет возражения стороной, против которой вынесено решение, суд будет проверять эти основания.

Публичный порядок, нарушение которого включено в подпункт «b» п. 2 ст. V конвенции в качестве возможного основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, относится к числу наиболее сложных и в то же время важных институтов международного частного права.

Содержание понятия «основы правопорядка» выглядит достаточно неопределенным. Очевидно, что российский законодатель не хочет (или не может) наполнить содержание понятия публичного порядка конкретными нормами, применение которых не сталкивалось бы со спорами и неопределенностью. В ст. 34 и 36 Закона о международном коммерческом арбитраже и п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ 2002 г. никак не расшифровывается содержание используемого в них термина «публичный порядок», а в ст. 233 и 239 АПК РФ 2002 г. в перечне оснований для отмены решения третейского суда, вынесенного на территории Российской Федерации, и в перечне оснований для отказа в выдаче исполнительного

листа на принудительное исполнение решения третейского суда используется термин «основополагающие принципы российского права», которые также не разъясняются.

Нельзя любое несоответствие арбитражного решения национальному законодательству считать нарушением публичного порядка: только нарушение норм публичного права, составляющих основы правопорядка, может дать повод ссылаться на нарушение публичного порядка. Так, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ в определении от 25 сентября 1998 г. указала, что «под «публичным порядком Российской Федерации» понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания».

Публичный порядок государства действует и в отношении его международных обязательств. Не может быть приведено в исполнение арбитражное решение, если в результате такого исполнения будут нарушены международно-правовые обязательства государства, на чьей территории испрашивается исполнение.

Перечень оснований, по которым суд может отказать в признании и принудительном исполнении арбитражных решений, определен статьей 5 Нью-Йоркской конвенции, Европейской конвенцией «О международном коммерческом арбитраже».

По результатам рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения выносится судебный акт в виде определения. На основе этого определения взыскателю выдается исполнительный лист на принудительное исполнение иностранного судебного или арбитражного решения.

Заявление о признании и приведении решения суда в исполнение рассматривается в судебном заседании с извещением заинтересованных сторон судьей единолично в срок, не превышающий месяца со дня его поступления.

Соблюдение такого порядка рассмотрения заявления необходимо для того, чтобы предоставить возможность сторонам воспользоваться установленными законом процессуальными

правами и обязанностями: заявителю — аргументировать заявление, должнику — дать объяснения и представить документы в обоснование отказа от исполнения вынесенного против него решения. В случае удовлетворения ходатайства о принудительном исполнении иностранного решения судом выносится определение и выдается исполнительный лист. Исключение составляют решения стран — участниц Киевского соглашения, поскольку при отсутствии возражений со стороны ответчика порядок приведения в исполнение решения носит упрощенный характер. Решение приводится в исполнение в случае соблюдения всех требований в соответствии со ст. 8 Киевского соглашения, в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством РФ об исполнительном производстве.

Часть 2 ст. 244 АПК РФ предусматривает основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения, а именно: арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение полностью или в части иностранного арбитражного решения по основаниям, предусмотренным пунктом 7 ч. 1 настоящей статьи (исполнение решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Российской Федерации) и частью 4 ст. 239 настоящего кодекса для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража (арбитражный суд может отказать в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража по основаниям, предусмотренным международным договором Российской Федерации и федеральным законом о международном коммерческом арбитраже), если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Действие третейской оговорки зависит от того, возможно ли доказать факт существования третейского суда, имеющего название, указанное в договоре. Если в договоре просто указано «третейский суд Швеции» или «третейский суд в Стокгольме», сторона может заявить, что такого судебного органа не существует. В этом случае государственный арбитражный суд в России принимает дело к рассмотрению. Если, например, в договоре существует соглашение о рассмотрении споров в арбитражном суде при Торгово-промышленной палате опреде-

ленного города и сторона представляет документ, выданный этой Торгово-промышленной палатой, что у них имеется третейский суд, но он имеет совершенно другое наименование, тогда российский государственный арбитражный суд считает, что третейская оговорка не действует, и он компетентен рассматривать спор.

Иногда стороны намеренно заключают третейские соглашения, которые в дальнейшем невозможно использовать. Сторона заведомо злоупотребляет нечетко сформулированной третейской оговоркой, обеспечивая себе таким образом преимущества судебной защиты и ущемляя права другой стороны.

Теперь я приведу **примеры** из практики. Эти вопросы, с которыми сталкивается суд, возникли не только в рамках рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражных судов, но и при рассмотрении вопросов о выдаче исполнительных листов и об отказе в выдаче.

В составе Арбитражного суда г. Москвы в 2002 г. Рассмотрено 31 заявление, удовлетворено 26 заявлений.

В первом полугодии 2001 г. из 26 заявлений о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и решений арбитражных судов удовлетворено 23 заявления.

На практике возникал ряд вопросов при рассмотрении заявлений о признании и приведении в исполнение арбитражных решений, с которыми я хочу вас познакомить.

Заявитель — иностранная кипрская компания обратилась в Арбитражный суд г. Москвы, ссылаясь на отсутствие компетенции у третейского суда рассматривать споры из контрактов, заключенных между сторонами. Заявитель ссылался на то, что между сторонами заключено отдельное арбитражное соглашение, которым содержание арбитражной оговорки контракта изменено, и стороны подчинили рассмотрение всех вопросов, споров, возникающих в связи с исполнением контрактов, Арбитражному институту при Торговой палате Стокгольма.

Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ признал свою компетенцию.

Исследуя указанный вопрос, суд подтвердил довод МКАС о том, что лицо, подписавшее иное соглашение о подсудности спора, не могло самолично подписывать его ввиду того, что лицо не обладало полномочиями по осуществлению функции исполнительного органа.

Согласно договору доверительного управления и уставу акционерного общества, функции исполнительного органа общества должны выполнять назначенные и уполномоченные на это лица, получившие доверенность. Нарушение порядка назначения представителя управляющей организации привело к отсутствию полномочий у лица, подписавшего иной текст арбитражной оговорки.

Для разрешения спора, вытекающего из внешнеэкономического контракта, заключенного по праву РФ, иностранная фирма обратилась в арбитраж при Торговой палате зарубежного государства с иском к российскому предприятию.

В подтверждение компетенции арбитража иностранная фирма сослалась на наличие устного арбитражного соглашения, заключенного также в соответствии с российским правом. Решением арбитража иски были удовлетворены.

Компетентный государственный суд РФ по ходатайству российского предприятия-должника отказал в исполнении иностранного арбитражного решения, сославшись на нормы подпункта «а» п. 1 ст. 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 г., подпункта 1 п. 1 ст. 36 Закона РФ от 7 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже» о недействительности арбитражного соглашения. В соответствии с п. 2 ст. 7 вышеназванного закона, а также п. 2 ст. 1 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме. Несоблюдение письменной формы арбитражного соглашения влечет его недействительность.

На рассмотрение Арбитражного суда г. Москвы направлено ходатайство турецкой фирмы «Мир Мютеахитлик ве Тиджарет А.Ш.» о разрешении принудительного исполнения решения Арбитража Торговой палаты г. Стокгольма о взыскании с КБ «Мост-Банк» денежной суммы.

Ответчик-должник просит отказать в удовлетворении ходатайства, ссылаясь на то, что Окружным судом г. Стокгольма отменено решение Арбитража.

Учитывая, что отмена решения является основанием для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, Арбитражный суд г. Москвы вынес определение об отказе, исходя из требований ст. 35 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», ч. 3 и 6 ст. 242 АПК РФ.

Проверяя в порядке ст. 274, 284 и 286 АПК РФ законность судебного акта, кассационная инстанция указала еще и на то, что заявитель не представил надлежащим образом удостоверенный текст арбитражного решения.

Узбекская республиканская акционерная компания по оптовой торговле обратилась с заявлением о приведении в исполнение решения Высшего хозяйственного суда Республики Узбекистан от 10 марта 2003 г.

Рассмотрев заявление, Арбитражный суд г. Москвы отказал в признании и приведении в исполнение арбитражного решения суда по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 9 соглашения «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 г. в исполнении решения может быть отказано по просьбе стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентному суду по месту, где испрашивается приведение в исполнение, доказательства того, что, в частности, спор в соответствии с настоящим соглашением разрешен некомпетентным судом.

Арбитражный суд г. Москвы признал оговорку недействительной, поскольку она противоречит процессуальному закону Узбекистана.

Взыскатель — Английская компания «Форевер Маритайм Лтд.» обратилась в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, вынесенного арбитражным судом по спору с ГП ВО «Машиноимпорт».

Согласно п. 3 ст. 243 АПК РФ, арбитражный суд при рассмотрении дела в судебном заседании устанавливает наличие или отсутствие оснований для признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения, предусмотренных статьей 244 АПК РФ, путем исследования представленных в арбитражный суд документов, обоснования заявленных требований и возражений. Ответчик-должник возражает против признания и приведения решения иностранного арбитражного суда, ссылаясь на то, что он является стороной, против которой принято решение, однако он не был своевременно и надлежащим образом извещен о времени и месте рассмотрения дела.

Согласно ст. 5 конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательства того, что в том числе сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитража или об арбитражном разбирательстве либо по другим причинам не могла представить свои объяснения.

Указанная норма содержится и в ч. 2 п. 2 ст. 244 АПК РФ, которая устанавливает основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения арбитражного суда и иностранного арбитражного решения.

В подтверждение извещения о времени и месте рассмотрения заявителем представлен незаверенный факс, направленный не судом, а стороной, а также не заверенный должным образом ответ ГУП ВО «Машиноимпорт», который последний не признал.

Указанные документы представлены не в соответствии с ч. 2 ст. 255 АПК РФ, в связи с чем доказательствами быть признаны не могут. Других доказательств уведомления ответчика о месте и времени разбирательства заявитель не представил.

Учитывая изложенное, суд отказал в удовлетворении заявления о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения.

Арбитражным судом г. Москвы рассмотрено заявление фирмы «Аптека Лимитед», г. Тризен, Княжество Лихтенштейн, об отмене решения МКАС при ТПП РФ от 29 мая 2002 г. в связи с тем, что решение вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением и не подпадающему под его условия, и содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского разбирательства.

Согласно п. 2 ст. 7 Закона о МКАС, арбитражное соглашение считается заключенным в письменной форме, в частности путем обмена иском заявлением и отзывом на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает. Арбитражная оговорка в контракте предусматривала, что «при недостижении согласия между сторонами все споры, разногласия или требования, возникающие из настоящего Контракта или в связи с ним, в том числе касающиеся его исполнения, нарушения, прекращения или недействительности, подлежат разрешению в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ в соответствии с его Регламентом».

Поскольку иск был заявлен о взыскании долга и неустойки и был основан на неисполнении ответчиком обязательств, вытекающих из контракта от 31 марта 1998 г. № 05-11/13-98, МКАС обоснованно пришел к выводу о своей компетенции по рассмотрению переданного в МКАС спора, при этом в арбитражной оговорке стороны согласовали применение при разбирательстве дела Регламента МКАС.

Как следует из текста решения и протоколов состоявшихся по делу судебных заседаний, истец не обращался с заявлениями и ходатайствами об изменении исковых требований.

Придя к выводу об отсутствии между сторонами договора, а следовательно, и договорных отношений и о наличии между сторонами обязательств по неосновательному обогащению, МКАС по собственной инициативе рассмотрел по существу уже другой иск, вытекающий из

неосновательного обогащения, подтвердив при этом в п. 4 решения, что условия контракта не применяются к отношениям сторон, возникшим из неосновательного обогащения.

При таких обстоятельствах утверждение ответчика о том, что решение было вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением и содержащим постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, признается доказанным. Кроме того, суд считает, что, проявив инициативу в рассмотрении обязательств сторон, возникших из неосновательного обогащения, МКАС поставил ответчика в неравноправное с истцом положение, лишившее ответчика возможности представить свои объяснения по требованиям из неосновательного обогащения, что свидетельствует также о нарушении МКАС процедуры ведения арбитражного разбирательства, предусмотренного положениями ст. 18 Закона «О международном коммерческом арбитражном суде», согласно которой к сторонам должно быть равное отношение и каждой стороне должны быть предоставлены все возможности для изложения своей позиции.

Нью-Йоркская конвенция, без сомнения, относится к числу правовых актов, играющих особую роль в формировании международного правового пространства XXI в. Во многом благодаря ее удачным формулировкам международный коммерческий арбитраж получил такое широкое признание и стал одним из основных механизмов разрешения правовых споров как между частными лицами, так и между различными государствами. Более того, именно благодаря этому механизму частные лица получили, может быть впервые в истории развития права, эффективную возможность отстаивать свои интересы в спорах с иностранными государствами. По состоянию на 20 марта 2003 г. в конвенции участвуют 133 государства.

Нормы конвенции являются одним из наиболее важных механизмов, которым регулируется в настоящее время глобальный рынок товаров, работ и услуг.